

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский государственный индустриальный университет»

**СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ**

Сборник научных трудов

Выпуск 24

Под редакцией профессора И.В. Шимлиной

Новокузнецк
2024

УДК 378.147.026(06)
ББК 74.580.25я43
С 568

ISSN 2072-8778

С 568 Современные вопросы теории и практики обучения в вузе : сборник научных трудов. Выпуск 24 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Сибирский государственный индустриальный университет ; Под ред. И. В. Шимлиной. – Новокузнецк : Издательский центр СибГИУ, 2024. – 185 с., ил.

Сборник статей посвящен проблемам теории и практики обучения и воспитания в системе образования. Представлены публикации по следующим направлениям: общие проблемы высшего образования, современные технологии обучения, психология и педагогика образования.

Авторы раскрывают концептуальные основы развития современного образования, вопросы использования в учебном процессе современных методик, педагогических технологий обучения, в том числе информационно-коммуникационных; условия и способы получения качественного образования для овладения профессиональными компетенциями.

Электронная версия сборника представлена на сайте
<http://www.sibsiu.ru> в разделе «Научные издания»

Ил. 13, табл. 10, библиогр. назв. 206

Редакционная коллегия: директор ИПО, д.п.н. профессор И.В. Шимлина (главн. редактор); проректор по научной и инновационной деятельности, д.т.н., профессор С.В. Коновалов; д.п.н., профессор Е.Г. Оршанская (отв. секретарь); д.культ., профессор Ю.С. Серенков.

Печатается по решению редакционно-издательского совета университета.

УДК 378.147.026(06)
ББК 74.580.25я43

© Сибирский государственный
индустриальный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	
<i>Р.И. Ким, Е.М. Хренова, А.Н. Алексеев</i>	8
Современные проблемы патриотического воспитания студенческой молодежи	
<i>Н.А. Иванова, Л.А. Пашина</i>	12
Сущность философии в зеркале истории или значение курса философии для полноценной социально-гуманитарной подготовки студента	
<i>И.В. Баклушина</i>	17
Дистанционное обучение в условиях пандемии: опыт мировых университетов	
<i>Л.А. Пьянкова</i>	22
Сравнительный анализ психологических аспектов профессиональной ориентации	
<i>М. В. Семиколенов</i>	29
Научно-исследовательская работа студентов как составляющая единого учебного процесса в вузе	
<i>С.Г. Терскова</i>	34
Потребности регионального рынка труда и ожидания обучающихся технического вуза	
<i>С.Г. Терскова</i>	38
Система социальной адаптации иностранных обучающихся в вузе	
<i>Л. А. Пьянкова</i>	46
Феномен милосердия как основа духовно-нравственного воспитания специалистов помогающих профессий	
<i>Л.П. Авдоница, Л.В. Савостьянова</i>	51
Становление музея как социального феномена	
<i>Е.А. Безродная, М.Ю. Кропотова</i>	55
Профессиональная самоидентификация студентов педагогического направления обучения	
<i>Ю.С. Серенков</i>	61
Гумбольдт о культуре, языке и способности мыслить	
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ	
<i>Л.В. Быкасова</i>	68
Особенности преподавания дисциплины «Основы российской государственности» в СибГИУ	
<i>М.Н. Худолеева, А.Н. Худолеев</i>	73
Использование технологий проблемного обучения при изучении социально-гуманитарных дисциплин	

ГУМБОЛЬДТ О КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКЕ И СПОСОБНОСТИ МЫСЛИТЬ

В статье исследуется вопрос о формировании научных точек зрения о цивилизационной иерархии языков, зависящей от их грамматической структуры, вокабуляра, специфики приемов словообразования. Происходит попытка взглянуть на научное творчество Вильгельма фон Гумбольдта как антецедент филологической деконструкции XX в.

Облик филологии многогранен, как многогранно и ее происхождение. Не удивительно, что наследие филологии не исчерпывается одной дисциплиной, одним исследовательским профилем. Филология никогда не была лишь предшественницей того, что называют лингвистикой в наши дни. Не была она и разновидностью критики текста.

С самого начала филология становилась той областью знания, в которой пересекались многие исследовательские пути. Амбиции филологии простирались до той черты, за которой обобщения могли иметь вселенский масштаб. Но отправной точкой всегда был личный опыт, частные наблюдения. Общая динамика в соответствии с филологической траекторией познания была, тем не менее, такова: от тщательного изучения видимой, материальной стороны текста, всматривания в него – к языку текста. Далее – к автору текста, культуре, которой принадлежал автор, другим культурам, истокам культур и, наконец, к происхождению человека и окружающим его происхождение тайнам. Таким образом филология не только всегда пыталась освоить экстралингвистические (т.е. находящиеся за пределами языка и речи) области, но и формировала ядро практики, определившей развитие теории эволюции, биологических и даже геологических наук, развивавшихся в тот же период.

Несмотря на то, что филология нередко рассматривается в качестве мегапроекта, который в конечном счете потерпел провал, можно утверждать, что филология глубоко влияет на современную мысль – как внутри образовательных систем, так и за их пределами. Ограничиваясь литературоведческими (и в меньшей степени лингвистическими) исследованиями, можно выделить три области, в которых характерная для филологии линия познания остается актуальной для исследовательского сообщества и сегодня. Во-первых, это концепция происхождения, согласно которой вещи можно объяснить лишь при условии, что их происхождение уже было установлено [1; Р.54]. Во-вторых, концепция двойственности

метода – например, с одной стороны, приверженность эмпирическому взгляду на лингвистические факты, и, с другой стороны, субъективное видение контекста, значения и ценности этих фактов. Отсюда склонность филологов употреблять слова «дихотомия», «амбивалентность», «бифуркация»[1; Р.54]. В-третьих – уверенность в том, что исследование исторических, либо формальных аспектов языка, средствами которого создан текст, может пролить свет на вопросы личной и коллективной идентичности[1; Р.55].

Последнее, однако, связано со сложной историей филологии как науки определенной расы, и здесь впору научиться различать, условно, желательные и нежелательные – в контексте современности – способы и формы возвращения к дисциплинарным корням филологии. Как видится, «желательное» возвращение могло бы начаться с усилия дисциплинарного самообследования и самоанализа. История филологии может служить примером (а может быть и предупреждением) о том, что за здравый смысл или даже за эмпирические наблюдения могут выдаваться установки идеологического характера, продвигающие расистские (или, например, антисемитские) теории и практики. То есть, филология может использоваться как средство восстановления утраченного чувства политической и социальной незыблемости, ограждения от вызовов современности и оправдания тех научных практик, которые потеряли свою актуальность, также – теорий, которые парадигмально устарели[1; Р.55].

Если не ограничиваться вопросами языка и текста, то двойственность филологии станет еще более очевидной. Филологический процесс, продолжавшийся многие века и вобравший отзвуки никогда не затихающего дискурсивного «шума», сопряженного с оформлением популярного видения вопросов расы и наследственности, оказался, вместе с тем, катализатором трансформации этого хаотичного «шума» в научно-дисциплинарные формы. Вместе с тем, филологи были одними из первых и наиболее искренних сторонников точки зрения, что все люди глубоко равны и что попытки классифицировать народы и истории в соответствии с большими или меньшими стадиями развития, цивилизации были глубоко ошибочными. Как отмечает историк С. Алтер, точка зрения о расовом равенстве восстанавливалась в результате проникательного прочтения трудов именно тех ученых, которых считали авторами противоположного, расистского послания [2]. То, что сами ученые не всегда отстаивали свои более эмансипационные взгляды достаточно решительно, не является единственным объяснением такого поворота дел. В философском труде, благодаря которому Ж. Деррида стал хорошо известен в англоязычном мире, ученый не только рассматривал структурализм как прогрессивный метод, пригодный к использованию за утилитарными пределами литературно-текстуального анализа, он ссылаясь на структуралистскую антропологию, разрабатываемую и популяризируемую К. Леви-Строссом. В работе, носящей название «Структура, знак и игра в курсах гуманитарных наук», а также в

«Грамматологии» (обе работы впервые опубликованы на французском языке в 1967 г.), Деррида критикует западный философский дискурс за этноцентризм, обнаруживаемый именно в мыслях о языке, отмечая, что «каждый раз, когда этноцентризм стремительно и демонстративно обращается вспять, за всеми эффектными эффектами молчаливо скрывается некое усилие консолидировать внутреннее и извлечь из этого какую-то внутреннюю выгоду» (Здесь и далее в статье перевод наш) [3; Р.80].

Попытки «стремительно и демонстративно обратить вспять» этноцентризм (структурализм Леви-Стросса лишь самый свежий по дате случай, на который обращает внимание Деррида) включают и антецедентные опыты деконструкции чувства западного превосходства, имевшие место в ходе реализации Западом колониальных проектов начиная сXVв. По целому ряду причин развивается осознание того, что система в том виде, в каком она была создана, опирается на неустойчивый фундамент, что толкает к неизбежным действиям по ее демонтажу и, одновременно, перестройке. Филология сама порождает неоднократно упоминаемые «две интерпретации интерпретации, структуры, знака, игры»[3; Р.292]. Именно эти попытки Деррида идентифицирует как деконструктивистский труд, наиболее яркими проявлениями которого становится интерпретация сути коренных культур просветителем Ж.-Ж. Руссо, философская линия Ф.Ницше, ведущая христианство как мировоззренческую систему к избавлению от трансцендентального означаемого, и структуралистский пересмотр теории мифа Леви-Строссом. И если первая интерпретация указывает на «расшифровку истины или происхождения», вторая, ницшеанская, черпает «вдохновение для нового гуманизма» [3; Р.292] не в этнографии, как это происходит в случае с Леви-Строссом. Ее ориентация в значительной степени направлена против дешифровки причинных «генов» толкования ранних текстов, в том числе текстов, получивших сакральный статус.

Действительно, филология причастна к пересмотру большого количества мировоззренческих дискурсов, особенно тех, которые оформились в ходе создания западными учеными трудов на языке, культурной идентичности, динамике культуры и биологии. Среди идей, которые стали почти неузнаваемыми в результате ряда попыток филологической деконструкции, была т.н. «великая цепь бытия» – концепция, подразумевающая видение языков вневременными объектами, переданными от Бога, своего рода видами, дискретными и вечными. Соответственно, привязываемые к языкам культуры можно было анализировать с опорой на подразумеваемую иерархию языков-видов, одни из которых были более совершенны, а другие – менее.

Вильгельм фон Гумбольдт(1767-1835)– филолог, в трудах которого противоречивое намерение дискриминировать, но, вместе с тем, эмансипировать и оправдать отдельные культуры проявляется достаточно отчетливо. Наследие Гумбольдта не изучено достаточно тщательно не только в славяноязычном, либо англоязычном мирах, но и в немецкоязычной науке о

культуре. Безусловно, исследователи более поздних времен, писавшие о языке и культуре, использовали труды Гумбольдта, ограничиваясь при этом лишь рядом аспектов. Во многом противоречивое – что уже было отмечено – наследие Гумбольдта требует критического экспертного взгляда и в наши дни. Мощная исследовательская мысль и безбрежная эрудиция очевидны, но отдельные моменты в его научном творчестве представляются незавершенными, следовательно могут быть продолжены исследователями наших дней. Наследие Гумбольдта позволяет увидеть, как сам акт размышления о темах, которые конституируют филологию как дисциплинарную область, продолжает во многом определять современное понимание расы и этнической принадлежности.

Глубокая амбивалентность проекта Гумбольдта особенно очевидна всего в отношении к разнообразию мировых языков. Гумбольдт был одним из первых пишущих ученых, выдвинувших идею о том, что все языки в некотором смысле равны, все они содержат явления, представляющие глубокий научный интерес, открывают глаза на язык как феномен и бесконечное многообразие скрытых механизмов, делающих возможной «работу» языка. В период до Гумбольдта подобная идея если и высказывалась, то опиралась в лучшем случае на региональный – по охвату – языковой материал. Некоторые колонисты и миссионеры изучали местные языки в своих курируемых районах и считали их эквивалентными тем европейским языкам, на которых они говорили сами, но это редко превращалось в философско-политическое понимание того, что европейские языки в целом не были по своей сути выше других. Сам Гумбольдт не отменяет иерархию языков: он тоже считает, что некоторые неевропейские языки более развиты в культурном смысле, чем другие, но он явно очарован как разнообразием, так и единством языков. Его представления о типах цивилизаций гораздо богаче и менее догматичны, чем у многих других мыслителей. Неудивительно, что он считает греческий и латинский языки и культуры передовыми, но в его трудах обозначается аналитический профиль, предполагающий поиск фактического материала за пределами классических и национальных европейских языков, который неожиданно нов в западном каноне.

В трудах Гумбольдта не найти ни огульного осуждения не западных культур, ни даже жестких расовых категорий, которые присутствуют в трудах Канта, что особенно примечательно, поскольку Гумбольдт достаточно явно следует интеллектуальной линии Канта, а в ранние годы потратил немало времени на изучение Канта и его философии[4]. Некоторое ощущение двойственности в проекте Гумбольдта можно увидеть, взглянув на то, как он относился к языкам, которые далеки от языков современных ему европейцев. В одной из заключительных глав своего основного труда «Языковая изменчивость и интеллектуальное развитие», озаглавленной «Менее развитая лингвистическая структура: семитские языки и языки индейцев-делававаров», Гумбольдт опирается на лингвистические данные, собранные

североамериканским филологом П. Дюпонсо. Анализируя эти данные, Гумбольдт размышляет как об особой грамматической тенденции в языках, которую Дюпонсо назвал *полисинтезом*, так и связанным с ней феноменом *инкорпорации*, т. е. включения в состав одной лексемы многих морфем (Baker 1988). В языках, обнаруживающих тенденцию к полисинтезу, слова способны инкорпорировать (поглощать) другие, создавая весьма сложные составные формы, которые выполняют ту же функцию, что и целые предложения в других языках [5]. В США это явление стало широко известно благодаря карикатурам в средствах массовой информации, изображавших аборигенных жителей с именами, которые не транскрибировались, а давались в переводе в виде английских фраз, например «танцы-с-волками». Гумбольдт отмечает, что полисинтез влечет за собой сведение многих слов к очень кратким звукам или т. н. клитическим формам, когда небольшие фрагменты того, что в одном контексте является целыми словами, могут быть «склеены» в других контекстах с целью полисинтеза. Этот принцип грамматической организации высказывания, встречающийся в основном в аборигенных языках Северной и Южной Америки и Австралии, долгое время ставил в тупик лингвистов; потребовался очень благожелательный наблюдатель, подобный Дюпонсо, чтобы описать, объяснить и дать терминологическое наименование. Но уровень глубинного отношения к инкорпорации как лингвистическому явлению просачивается в комментарий. Гумбольдт использует слово «увечье» (mutilation) и критикует явление, называя его варварской грубостью [6, Р.206]. Далее Гумбольдт размышляет о том, что более глубокое знание языка делаваров и его словосочетаний позволило бы решить, «уничтожаются ли в сокращенных словах базовые слоги или сохраняются» [6, Р.206]. А далее Гумбольдт утверждает, что значения слов на самом деле сохраняются, замечая, что аналогичные инкорпоративные процессы встречается во многих других языках мира, хотя и в менее явной форме. В языках, подобных языку делаваров, пишет он, наблюдается «заметная тенденция представлять мысль комплексно, объединять образы-слова в концепт, а не произносить их по отдельности, и в то же время не нарушать фонемных связей» [6, Р.207]. Он называет эту тенденцию «живописной», дающей возможность «отчетливо образно трактовать представления». Подобное переосмысление идеи развития языка и коррелирующей с лингвистической стороной вопроса культурной политики является деконструкцией, что не означает полного искоренения расовых категорий и иерархий, которые филология то низводила, то восстанавливала. Гумбольдт далее утверждает, что разум требует от слова, чтобы оно представляло понятие всесторонне и сугубо определенным образом, но в то же время указывало на логическую взаимосвязь, причину своего появления. Язык делаваров по-своему удовлетворяет этим рациональным требованиям, но не отвечает требованиям элевации лингвистического смысла, отрыва от вещной основы. Но, с другой стороны, этот язык становится живым символом силы воображения, последовательно соединяющим образы, и в этом отношении он

сохраняет своеобразную красоту»[6, Р.207]. Мысль о европейском превосходстве в данном суждении не сходит на нет, но оно сформулировано в очень щадящих терминах. Последнее ни в коем случае не оправдывает Гумбольдта; вместо этого оно позволяет рассматривать интеллектуальную историю как своего рода серию деконструкций, в ходе которых контакт с эмпирическими фактами в сочетании с некоторой непредвзятостью мышления устранил некоторые из наиболее проблемных черт идеологии европейского превосходства.

Таким образом, общее отношение Гумбольдта к тому, как развитие цивилизации соотносится с языковой формой, является очевидно (и неожиданно!) новаторским для XVIIIв. Нюанс в том, насколько глубоким было уважение Гумбольдта как к личности, так и к коллективным достижениям в обществе. Это, впрочем, нашло отражение в политическом либерализме, характеризовавшем краткую политическую карьеру Гумбольдта. Допуская, что некоторые языки могут быть более «продвинутыми» в плане внутренней организации, он не считал более «продвинутыми» те общества, которые подобными языками пользовались: его попытки связать характер языка со спецификой цивилизационного развития ограничены и мимолетны. Напротив, Гумбольдт неоднократно подчеркивает, что, хотя язык может влиять на наши творческие и интеллектуальные способности и даже ограничивать их, индивиды всегда способны обойти эти ограничения, либо преодолеть их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Harpham, G. Roots, Races, and the Return to Philology // *Representations* 106, 2009, no. 1: 34 – 62.
2. Alter, S. *Darwinism and the Linguistic Image: Language, Race, and Natural Theology in the Nineteenth Century*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
3. Derrida, J. *Of Grammatology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.
4. Mueller-Vollmer, K., Messling, M. Wilhelm von Humboldt // Edward N. Zalta, ed. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/wilhelm-humboldt/>.
5. Baker, Mark C. *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
6. Humboldt, Wilhelm von. *Linguistic Variability and Intellectual Development*. Translated by G. Buck and F. Raven. Miami Linguistics Series No. 9. Coral Gables, FL: University of Miami Press, 1971. Originally published in 1836 as *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und seinen Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin: Royal Academy of Sciences of Berlin.